

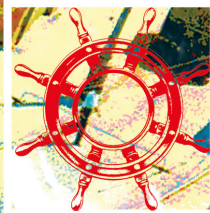

Николай
Калиниченко

Московский
пират

московские
ПЕТОШ

Николай Валерьевич Калиниченко

Московский пират

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30482118
Московский пират: У Никитских ворот; Москва; 2017
ISBN 978-5-00095-397-6

Аннотация

Вашему вниманию представляется сборник стихов Николая Калиниченко.

Содержание

Московский пират	5
Ничего святого	7
Когда он шагнёт...	9
Антипод	11
Я расту	12
Кашалот	13
Курильщик	15
Полёт в метро	17
Ракета	18
Билетик	21
Пицца-поэзия	22
«Ось Миног! Омфалос мира!...»	24
Чатланский гудбай	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Калиниченко

Московский пират

© Калиниченко Н.В., 2017

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2017

Московский пират

Время фасады штурмует накатами,
На маскаронах ощерились львы.
Старые здания словно фрегаты
В суетном море бурлящей Москвы.

Гордо высоток возносятся ярусы,
Но несравненно прекраснее их
Облако белое ветреным парусом
Реет над палубой крыш городских.

Улочка узкая, девочка дерзкая.
Хочешь пиастров? Так жарь до конца!
Здравствуй, Смоленка, земля флибустьерская!
Спой мне ещё про сундук мертвеца!

Галсами меряю гавань Арбатскую,
К свету таверны лечу мотыльком.
Лью в ненасытную глотку пиратскую
Чёрный и злой неразбавленный ром.

Где ваши души? А ну-ка не прячьте!
Пусть бесконтрольно плывут за буи!
В самое сердце, стальные, горячие,
Быют abordажные рифмы мои!

Пусть далеко океаны гремящие
И никогда нам до них не доплыть.
Самое главное – быть настоящим,
Пусть ненадолго, но всё-таки быть,

Словно цунами, прекрасным и яростным
И не жалеть никогда, ничего!
В сердце поэта швартуется парусник.
Не опоздай на него!

Ничего святого

Н. Гумилёву

Сегодня, я вижу, особенно дерзок твой рот,
Ты куришь сигары и пьёшь обжигающий брют,
Послушай, далёко-далёко в пустыне идёт
Слепой одинокий верблюд.

Ему от природы даны два высоких горба
И крепкие ноги, чтоб мерить пустые пески,
А здесь воскресенье, за окнами дождь и Арбат,
И хмурое небо оттенка сердечной тоски.

И ты не поймёшь, отчего же случайная связь
Приносит порою такую ужасную боль,
А там над пустыней созвездий арабская вязь,
И глазом Шайтана восходит кровавый Альголь.

Но старый верблюд не увидит величья небес.
Он чует лишь воду, и змей, и сухие кусты,
Как ты, обольщая бандитов и пьяных повес,
Торгуешь собою, не зная своей красоты.

Пусть память поэта простит небольшой плагиат,
Но вдруг ты очнёшься от тягостных сладких забав.

Ты плачешь? Послушай, далёко-далёко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Когда он шагнёт...

Лицо за стеклом, человек неизвестный
Стоит, ожидая минуты уместной,
Когда остановится поезд и он
С досужей толпою шагнёт на перрон.

Потом всё по плану, обычно и гладко,
Направо ступеньки, кольцо, пересадка.
В извечном кружении спины и лица,
И это лицо среди лиц растворится.

Но что-то такое в его ожиданье.
Жуком в янтаре замерло мирозданье,
Как хищник в засаде, застыло и ждёт,
Когда он шагнёт, когда он шагнёт.

А поезд к перрону всё ближе и ближе,
Но время нависло скалою недвижимой,
И сколько столетий на счёт упадёт,
Пока он шагнёт, пока он шагнёт?

В экстазе с плебеем сольётся патриций,
И нищенка станет избранницей принца.
Состарится феникс и вновь оживёт,
Когда он шагнёт, когда он шагнет.

Рассыплются горы, поднимутся реки,
И пятна Луны изгладятся навеки.
Отправится в путь антарктический лёд,
Когда он шагнёт, когда он шагнёт.

Зрачок сингулярности в сердце квазара,
Вращенье галактик, и рёв динозавров,
И самая первая книги строка –
Не ляжет, не будет, не станет, пока...

Такой же, как все, ни плохой, ни хороший,
Один из толпы, человечек творожный,
Не медля особенно и не спеша,
Привычный в грядущее сделает шаг!

Антипод

Я не пью уже год... год,
И не хочется мне, не мается,
Значит, где-то мой антипод
За двоих за нас отдувается.
Пусть нетвёрд антипода шаг
И лицо целиной распаханной,
Только есть в нём особый шарм,
Потому что душа распахнута.
Хоть слывёт он слабым звеном
И не часто выходит в чат,
Но всегда говорит: «По одной!» –
Там, где я говорю: «Чай».
И стараюсь скорее встать,
Убежав от той, что в вине,
А он слишком вчера устал,
Чтоб хотя бы думать о ней.
Я другую начну искать,
Отвергая хлеб и вино,
А он просто возьмёт пивка
И не станет спорить со мной.

Я расту

Мне снилось, что я поднимаюсь, как тесто,
Расту неуклонно, как гриб дрожжевой.
Из уютной коробочки спальни тесной
Ползу через край, извергаясь отвесно
На гравий бульваров, на пыль мостовой.
Прольюсь, заполняя пустоты и щели,
В замочные скважины влезу червём.
Во мне кубатура любых помещений.
Я неф и притворы, я храм и священник,
И масса, и плотность, и смысл, и объём.
Вздымаюсь курганом всё шире и выше,
Журчу в водотоках, бегу в проводах,
Во мне все мосты, и карнизы, и крыши,
И листья каштанов, что ветер колышет,
И облаком в небе моя борода.
Зачем я? К чему этот рост несуразный?
Затем ли, чтоб вечером долгого дня
Я сверху на город взглянул звездоглазно,
А тот фонарями, и кольцами газа,
И тысячей окон глядел бы в меня...

Кашалот

В глазах кашалота протяжная гаснет мысль,
Пока он недвижимый лежит в полосе прибой.
Взлетают гагары, и волны целуют мыс,
И небо над пляжем пронзительно-голубое.

На шкуре гиганта отметки былых побед
С тех пор, как спускался, подобьем Господней кары,
В кремешную бездну, куда не доходит свет,
И рвал, поглощая, бесцветную плоть кальмаров.

Вот снасть гарпунёра, что так и не взял кита.
Вот ярость касаток, кривые акулы зубы,
И старый укус, что оставила самка та,
Которую взял подростком в районе Кубы.

Он видел вулканы, и синий полярный лёд,
И танец созвездий над морем в ночи безлунной,
Беспечный бродяга холодных и тёплых вод,
Как знамя, над хлябью свои возносил буруны.

Но странная доля – проклятье больших китов,
И в этом похожи с людскими китовьи души.
Владыкам пучины, как нам, до конца веков
Из вод материнских идти умирать на сушу.

Взлетают гагары, и волны целуют мыс,
Заря безмятежна, а даль, как слеза, чиста.
В небе над пляжем упрямо штурмует высь
Белое облако, похожее на кита.

Курильщик

Ты помнишь, капитан, Барьерный риф?
Немолчный чаек зов и снежные кипени,
В сапфировую глубь ведущие ступени
И тени хищных рыб, как стаи гончих псов,
Спешащие в лесах за поступью оленьей.
А помнишь шторм у мыса Горн? Когда
Вздымалась к небу чёрная вода,
И рваный парус бился, словно птица,
И даже боцман начинал молиться,
Когда в разрывах туч, как Божия десница,
Являлась нам вечерняя звезда.
А на Борнео стаи обезьян?
А контрабанду розовых кораллов?
И ту гречанку в крепости Чембало?
Её хотя бы помнишь, капитан?
Опять молчишь... Не отвечаешь ты...
Ужель и впрямь объятья дымной грёзы
Тебе родней, мой друг, чем радуги, и грозы,
И пышных облаков багряные хвосты?
Бежим со мной туда, где вертится штурвал,
Где слышен скрип снастей, встречающих муссоны,
Где только лишь затем нужны притоны,
Чтоб, встретив их покой, дурманивший и сонный,
Свободный человек о море заскучал!

Полёт в метро

Рождѣнный ползать летать не может.
Сказал и сам себе не верю,
И как поверить, когда под кожей
Зреют курганы жемчужных перьев.

Когда ты ходишь, беремен небом,
А всем плевать, потому что сыты.
Ты бьѣшь по ним обнажѣнным нервом.
Они опускают забрала быта.

А небо жжѣт и горит в гортани,
Квадратное, острое небо смыслов.
Рождѣнный ползать, и вот – ЛЕТАЮ!
Орбитой мечты, облаками выстланной.

Очнулся на миг, под крылом планета.
Понедельник, утро, в метро тесно.
Граждане, уступите место поэту!
Будьте людьми, уступите место.

Ракета

Его ещё не забыли.
Соседи расскажут вкратце,
Как рылся в автомобиле,
Ходил на канал купаться.

Нескладный, худой, лохматый,
Одежда как на чужого.
Едва ли он был солдатом
И вовсе не пил спиртного.

Работал по будням в книжном,
В субботу играл на флейте,
Чудак с бородою рыжей.
Его обожали дети.

Он часто вставал до света
И что-то на крыше строил –
Антенну, маяк, ракету,
Из жести неладно скроенную?

За это его ругали,
А он лишь молчал угрюмо.
Милицию вызывали,
Писали доносы в Думу.

И вот дождались, накликали
Беду, что давно витала.
Флейтиста – на время в клинику,
Ракету – в приём металла.

Наутро в подъезд загаженный
Явились медбратья дюжие,
Здорового быта стражники,
Вязать и спасать недужного.

Вломились, а он – на крышу,
В ракету, и люк захлопнул.
Потом приключилась вспышка,
И стёкла в подъезде лопнули.

Что было? Одни догадки.
Пресс-центр объяснить не может.
В газете писали кратко,
Мол, был смутьян уничтожен.

Но правды никто не знает,
Лишь только расскажут дети,
Что рыжий флейтист играет
Теперь на другой планете.

Конечно, детям не верили,
Но факт оставался фактом,
Случайно или намеренно

Чудак запропал куда-то.

Ушёл, а внизу остались
На кухнях пустые споры
И жизнь с эпилогом «старость»
Из длинной цепи повторов.

Работа, зарплата, отдых,
Орбиты колец кружение
И небо над крышей в звёздах,
Как вызов... как приглашение.

Билетик

Кончается время шикарных пальто
И шарфиков грубой вязки.
Я еду, похожий на сдобный батон
В своей пухово́й «аляске».
Но греет меня под пухово́й броней
И шепчет о будущем лете
На самый на первый трамвайчик речной
Потрёпанный серый билетик.

Пицца-поэзия

В коконе прогорклom никотиновом,
В стареньком потёртом пиджаке
Шёл поэт дворами и квартирами.
Шёл один, без музыки, налегке,

Во дворах сугробы тлели рифами,
Оттепель облизывала льды.
Он плевался скомканными рифмами
В чёрные отверстия воды.

И от рифм, как бесы от причастия,
Разбегались живо кто куда
Грязные столичные несчастья,
И тогда светлела темнота.

А поэт гулял себе, отмеченный
Светом кухонь, запахом пивных,
И ему навстречу были женщины,
Но поэту было не до них.

Он искал пристрастно, жадно, искренно,
Верил, что живёт в Москве одна
Вечная немеркнущая истина,
Слаще мёда и пьяней вина.

Он прошёл Арбатом и Остоженкой,
Пил в Сокольниках и в Тушино бывал.
На Таганке ел коньяк с мороженым,
На Тверской просил и подавал.

Тасовал метро пустые станции,
Выпил всё и всех перетусил,
А потом устал, сошёл с дистанции
И обратно женщин попросил.

Он, как книги, женщин перелистывал
И уснул у лучшей под крылом,
А его ненайденная истина
Ела суши рядом, за углом.

Паладины истины ретивые,
Потружусь отметить вам мораль:
Алкоголь и кокон никотиновый
Помешали поискам, а жаль.

«Ось Миног! Омфалос мира!...»

Ось Миног! Омфалос мира!

Генри Госсе пела лира!

И присоски, как пупки,

Опускались на колки.

Чатланский гудбай

Позабыты прежние союзы,
В чёрном небе астры отцвели.
Дети Полдня, я целую в дюзы
Ваши световые корабли.

Бластер, гравицаппа, ключ на восемь
И скафандр, который не предаст.
В долгую космическую осень
Увожу свой старый пепелац.

Растворюсь в туманном Магеллане,
Гончих Псов оставив за спиной.
Нынче и пацаки, и чатлане
Могут превратиться в перегной.

Перегной дождями увлажнится.
Что же ты невесел, гордый Тарс?
Будет кукуруза колоситься,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.